

На правах рукописи

Круглова Татьяна Сергеевна

**«Адресованная» лирика Марины Цветаевой:
коммуникативно-жанровый аспект**

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 2008

Работа выполнена на кафедре филологических дисциплин факультета
иностранных языков Международного независимого эколого-
политологического университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Кихней Любовь Геннадьевна**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Дзущева Наталья Васильевна**
Ивановский государственный университет

кандидат филологических наук, доцент **Кудасова Валентина Васильевна**
Владимирский государственный гуманитарный университет

Ведущая организация: Московский государственный
университет им. М.Л.Ломоносова

Защита состоится 30 мая 2008 года в 15-00 часов
на заседании диссертационного совета К212.203.13
при Российском университете дружбы народов
по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского
университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-
Маклая, д.6.

Автореферат диссертации размещен на сайте www.rudn.ru.

Автореферат разослан 29 апреля 2008 года

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

 А.Е. Базанова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000434438

Общая характеристика работы

Актуальность обращения к коммуникативному аспекту поэзии Марины Цветаевой обусловлена рядом причин. Творчество Марины Цветаевой получило разноаспектное освещение в работах известных отечественных и зарубежных исследователей, таких как А. Саакянц, В. Швейцер, И. Кудрова, И. Шевеленко, Н. Осипова, Н. Дзуцева, Л. Зубова, О. Ревзина, Е. Коркина, К. Тарановский, С. Ельницкая, А. Смит, Е. Эткинда, Е. Фарыно и др. Проблемы творческих связей Цветаевой с предшественниками и современниками, вопросы эпистолярного диалога и жанрового своеобразия цветаевской лирики все чаще становятся объектом исследовательского внимания (в работах М. Гаспарова, Е., Е. Александрова, Е. Соболевской, С. Полляк, И. Бродского, О. Ревзиной, И. Бабенко, А. Тмарченко, Т. Пахаревой, А. Карпова, В. Головки, Л. Тышковой, С. Бабушкиной, Е. Айзенштейна, М. Лебедевой, В. Кудасовой и др.). Однако нельзя утверждать, что диалогические аспекты и коммуникативная поэтика Цветаевой изучены полностью.

Во-первых, до сих пор нет обобщающих работ, посвященных коммуникативным стратегиям в ее поэзии, несмотря на то, что сама Цветаева неоднократно определяла лирику как форму общения. **Во-вторых**, сама по себе проблема коммуникации в лирике пока не имеет однозначных и непротиворечивых решений и нуждается в дальнейшем изучении. И, наконец, **в-третьих**, не исследовано жанровое своеобразие адресованных стихотворений Цветаевой, которые литературоведы относят к произведениям с непроявленной жанровой этиологией. Указанный пробел в изучении связан с более широкой теоретической проблемой – проблемой «жанрового бытия» лирики XX века. Предпринятое исследование жанровой семантики одного из самых ярких поэтов XX века, возможно, даст основание для пересмотра устоявшихся концепций.

Согласно нашей гипотезе, стихотворные адресации Цветаевой стратегически соотносятся с жанровым канонам послания либо посвящения, поскольку традиционная разновидность адресата, позволяющая идентифицировать жанр послания, – это адресат-индивид. При этом актуализация (эксплицирование) и конкретизация (персонализация) адресата создает большие возможности для эстетического внушения. Именно в этом случае персонально адресованный текст – благодаря специальным средствам выражения (обращениям, местоимениям, глагольным формам, вопросам, побудительным конструкциям и т.д.) обретает широкие возможности для суггестивного воздействия не только на эксплицированного адресата, к которому непосредственно обращен авторский монолог, но и на любого читателя данного текста.

Исходя из этого, объектом нашего исследования стали «адресованные» стихотворения М. Цветаевой, то есть тексты, написанные с установкой на диалог с адресатом. Здесь следует сделать важную оговорку: мы не ставим своей задачей рассмотреть все тексты Цветаевой, содержащие адресацию. Эта задача представляется нам слишком объемной, ибо творчество Цветаевой изобилует прямыми или косвенными обращениями. Мы ограничили объект нашего исследования стихотворениями, ориентированными на интерперсональное общение, имеющими индивидуальную адресацию, включая стихотворения,

обращенные к условному литературно-мифологическому герою. В то же время в непосредственном выборе материала мы руководствовались принципом репрезентативности, в основном исследуя те тексты, в которых адресация становилась одним из доминирующих факторов художественной коммуникации и обретала важную смысловую или жанровую функцию. Кроме того, нами был привлечен к анализу значительный пласт писем Цветаевой, коррелирующих с поэтическими адресациями.

Предмет диссертационного исследования – коммуникативно-модальные установки Цветаевой и их воплощение в содержательной структуре адресованных стихотворений.

Цель предпринятого исследования – выявить содержательные и структурные закономерности коммуникативно-жанровой организации «адресованных» стихотворений Цветаевой в свете теории литературной коммуникации.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

а) на основании семиотических, лингвистических, культурологических и философских разработок теории литературной коммуникации разработать принципы классификации и алгоритм описания основных коммуникативных типов адресованных стихотворений Цветаевой.

б) рассмотреть специфику диалогических установок в лирике Цветаевой, содержательные и структурно-семиотические особенности проявления субъектно-объектных отношений в адресованных текстах разной коммуникативной ориентации;

в) обозначить и прокомментировать жанровые разновидности адресованных стихотворений, установить их генетическую связь с теми или иными жанровыми канонами.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проблема лирической адресации не может быть поставлена и решена имманентно – вне проблемы жанра. Всякое художественное высказывание по своей природе адресовано. Поэтому выбор коммуникативной стратегии для автора одновременно оказывается выбором жанровой стратегии.

2. Коммуникативная стратегия Цветаевой реализуется в диалогической поэтике текста, представляющего собой эмфатический монолог, обращенный к адресату, с которым установлены некие неформальные отношения. Формально адресация проявляется в заголовочном комплексе, в системе апеллятивов и пр., то есть в такой его эстетической организации, которая суггестивно воздействует на конвенционально вовлеченных слушателей.

3. Диалогическая интенция и сопутствующая ей авторская эмоциональность является основным формообразующим фактором, организующим структуру и словесную ткань адресованных стихотворений Цветаевой как посланий (с эксплицитной адресацией) и посвящений (с имплицитной адресацией).

4. Философская картина мира оказывается неким глубинным фактором, обеспечивающим построение адресованных стихотворений. На семиотическом уровне, философская модель мира, взятая в аспекте коммуникации, может быть интерпретирована как «поле диалога», в котором могут возникать разные типы отношений между адресатом и адресантом.

5. Статус адресата структурирует и образ лирического субъекта, и конкретные коммуникативные тактики, реализуемые в стихотворении. В аксиологическом ракурсе адресат-индивид может восприниматься как второе «я», идеальный герой, друг-враг (возлюбленный), собрат по перу, кумир; он может быть воспет, возвеличен или развенчан. Та или иная типологическая модель адресата обуславливает появление в формально-содержательной структуре послания «жанровой памяти» оды, гимна, дифирамба, инвективы.

6. Установка на мифологизацию адресата закономерно приводит Цветаеву к использованию в своих посланиях «вечных культурных образов», мифологем западно-европейской культуры. Интертекст в адресованных стихотворениях Цветаевой играет роль мифотворческого элемента и становится своего рода механизмом, определяющим набор ролевых конвенций, в рамках которых разыгрывается архетипическая гамма переживаний лирической героини.

Методологической и теоретической основой исследования послужили труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.С. Библера, В.И. Тюпы, С.Н. Бройтмана, Ю.Н. Тынянова, Л.Я. Гинзбург, М.Л. Гаспарова, Н.Д. Арутюновой, Ю.И. Левина, Л.Г. Бабенко, Вяч.Вс. Иванова, О.М.Фрейденберг, Н.Я. Лейдермана и ряда других теоретиков и историков литературы и культуры, разрабатывающих коммуникативные и жанровые аспекты литературы.

Достоверность и надежность полученных результатов обеспечиваются методологической обоснованностью исходных предпосылок и интегративной методологией исследования, предполагающей использование *системно-типологического, структурно-семантического, культурно-исторического* подходов. При анализе мотивно-образной структуры цветаевских стихов привлекались также и другие *техники и приемы* рассмотрения художественного текста (*интертекстуальный анализ, ритуально-мифологическая и семиотическая интерпретация, биографический комментарий*). Вместе с тем, поскольку предмет диссертации теснейшим образом связан с эстетическими формами проявления личностного самосознания поэта, при выработке концепции работы и анализе материала *методологическим подспорьем* послужили труды цветаеведов (С.Ельницкой, И.Шевеленко, Н. Дзусевой и др.), предметом исследования которых стали различные *аспекты проявления личностного самосознания* Цветаевой.

Научная новизна работы состоит в открытии новых – коммуникативных и жанровых ракурсов исследования творчества Цветаевой. Предпринятый анализ позволил: а) впервые дать классификацию адресованных стихотворений Цветаевой в зависимости от типа адресата; б) установить механизм связи коммуникативных установок автора с его философской концепцией мира, с идеальной и реальной моделью взаимоотношений лирического «Я» с другими людьми; в) выявить до сих пор малоисследованные особенности *жанрового* воплощения диалогических установок в лирике; в) выявление механизма и специфики жанровых процессов в поэзии Цветаевой позволил выявить соотношенность и взаимосвязанность жанровых форм и форм диалогического мышления поэта, уяснить природу феномена «памяти жанра» как аккумуляции жанрового опыта предшественников, и в то же время

проследить трансформацию архаического канона в зависимости от коммуникативных установок автора и эпохального контекста.

Теоретическая значимость диссертации обусловлена тем, что методика анализа коммуникативной структуры может быть применена при изучении теории жанра и фактора адресации в русской и зарубежной поэзии. Основные положения диссертации могут использоваться в трудах, посвященных творчеству не только Цветаевой, но и других поэтов, что откроет перспективу сравнительных исследований.

Практическая значимость работы. Ключевые положения и выводы диссертации могут быть использованы в курсах по истории и теории литературы, при разработке спецкурсов по творчеству М. Цветаевой.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования нашли отражение в 6 опубликованных работах и были представлены в докладах на следующих международных симпозиумах и конференциях: Международный симпозиум лауреатов премии и стипендиатов научного фонда им. Александра фон Гумбольдта «Наука и образование 21 века» (Пенза, 28-30 сентября 2006); XI Международная научно-методическая конференция «Университетское образование» (Пенза, 12-13 апреля 2007); Международная научно-практическая конференция «Современные направления в лингвистике и преподавании иностранных языков» (Москва-Пенза, 14-15 мая 2007); Вторая международная научная конференция «Проблемы поэтики русской литературы» (Москва, 5-6 сентября 2007); Международный симпозиум лауреатов премии и стипендиатов научного фонда им. Александра фон Гумбольдта «Наука и политика в 21 веке» (Пенза, 27-29 сентября 2007); VII международная научная конференция «Художественный текст и культура: Античность и христианство в литературах России и Запада» (Владимир, 4-6 октября 2007).

Структура диссертации продиктована логикой рассматриваемых проблем. Работа состоит из введения, четырех глав (Глава 1. К исследованию коммуникативных аспектов литературного текста; Глава 2. Специфика «субъектно-объектных» отношений в лирическом общении с «самыми близкими»; Глава 3. Особенности интерсубъектного и интертекстуального диалога в любовной лирике Цветаевой; Глава 4. Коммуникативно-жанровые стратегии Цветаевой в стихотворениях к собратьям по перу), заключения, библиографического списка, включающего 209 наименований.

Содержание работы.

В первой главе работы дан краткий обзор различных научных подходов к изучению феномена художественной коммуникации и предложен методологический алгоритм исследования коммуникативно-жанровых стратегий Цветаевой. В главе были выделены такие научно-методологические подходы, как: философский, культурно-эстетический, семиотический, лингвистический, психолингвистический.

В философском аспекте проблему коммуникации разрабатывали такие мыслители, как Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, М. Бубер, В. Библер и др. Главной особенностью философского подхода стала интерпретация феномена коммуникации как общего феномена человеческой жизни. Литературный текст

становится всего лишь одной из частных практик такого онтологического общения.

Феномен коммуникации разрабатывается также в *культурно-эстетическом ракурсе*. Здесь исследователи обращаются, прежде всего, к фактору культурной коммуникации, который, по их мнению, лежит в основании любой культуры. При этом исследователи уделяют особое внимание вопросу восприятия художественного текста. В связи с этим, актуализируется проблема адресата как жанрообразующего фактора в художественном произведении, которая является наименее разработанным вопросом в литературе и, в частности, в поэзии.

В этом методологическом контексте прежде всего необходимо назвать имя М.Бахтина. Понимание культуры, по Бахтину, возможно только через диалог, под которым он понимает любое соприкосновение с миром культуры. Слово в его концепции становится внутренне диалогичным, поскольку хранит семантическую память о своем существовании в предшествующих контекстах употребления. Причем диалог первичен по отношению к тексту, более того, он является главным механизмом смысло- и текстопорождения. Огромная заслуга М.Бахтина заключается в том, что механизм диалога он спроецировал на литературу, открыв, что помимо первичной действительности художник имеет дело также и с литературной традицией, с которой он вступает в диалог, понимаемый как борьба с уже существующими литературными, исторически сложившимися формами.

Современные концепции диалога характеризуются актуализацией коммуникативных аспектов мышления и речи. Особое распространение в современной науке имеет *лингвистическая концепция диалога*, связанная со структурой поэтического текста. В лингвистическом ключе фактор адресации исследуется Н. Арутюновой, Д.Н. Шмелевым, Г.Я. Солганик, Л.В. Славгородской, Э.В. Чепкиной, Н.И. Ковтуновой и др. Проблема коммуникации рассматривается также в *психолингвистическом* аспекте. Так, по мнению специалистов, в области интересубъективной психологии процесс восприятия речи (или текста) столь же многообразен и сложен, как и процесс говорения (порождения текста). По утверждению Е.А. Войскуновского, слушание не пассивный процесс, «оно часто включает в себя предвосхищение и воссоздание слышимого, извлечение смысла сказанного и замысла говорящего, сопоставление с речевым контекстом и контекстом ситуации»¹.

С лингвистической концепцией диалога тесным образом связана *семиотическая концепция* диалога (одним из вариантов которой становятся «пост-семиотические» трактовки этого феномена). В интерпретации коммуникативных феноменов семиотические базируются на теории знаков Ф. Соссюра, который ввел фактор адресации в саму структуру знаковой коммуникации. Позже Р.Якобсон развил эту теорию, а Ю.Лотман, сделав своей посылкой, что «текст есть знак», сделал художественную коммуникацию необходимым элементом восприятия и интерпретации произведения.

¹ Войскуновский Е.А. Я говорю, мы говорим... Очерки о человеческом общении. М., 1990. С. 114.

Так, Ю. Лотман рассматривает проблему диалога с семиотической точки зрения. В соответствии с типами адресата он выделяет две схемы коммуникации. Первая модель представлена оппозицией «Я – ОН», где «Я» – субъект, носитель информации, а «ОН» – объект, воспринимающий информацию, адресат. Другой тип коммуникации построен по модели «Я – Я», Лотман дает ему определение «автокоммуникации». Автокоммуникация – это определенная разновидность диалогических отношений, в которых адресант обращается к самому себе, становится собственным адресатом.

В первой модели коммуникации субъекты диалога (адресат и адресант) оказываются переменными величинами, а код и сообщение – постоянными. Во втором же случае субъект, имманентно выступающий в качестве адресата, «внутренне перестраивает свою сущность»², которая меняется в процессе коммуникативного акта. Поэтический текст, по мнению Лотмана, включает в себя две модели коммуникации одновременно: «текст осциллирует между значениями, передаваемыми в канале «Я–ОН» и образуемыми в процессе автокоммуникации»³. Эстетический эффект возникает тогда, когда код функционально тождествен сообщению, а сообщение – коду, что приводит к смысловой интерференции текста, в сознании читателя-адресата связанного с обеими коммуникативными системами.

К творчеству Цветаевой применимы многие концепции диалога. Однако они будут работать на разных уровнях ее поэзии. Философская концепция коммуникации релевантна на уровне мировоззрения (так, например, любовные послания характеризуются разрывом между «я» и «ты»). Семиотическая – на уровне жанровой структуры (послания, обращения, посвящения), культурно-эстетическая – (на уровне интертекстуальных и мифопоэтических структур), лингвосо семиотическая – на методологическом уровне определения тех или иных лингвистических аспектов адресации.

Но особенно важным для нас представляется философский дискурс исследования коммуникации потому, что он предполагает анализ картины мира в ее взаимодействии с человеком. Сам факт коммуникации базируется на общении человека и мира (что уже само по себе предполагает философский ракурс рассмотрения феномена коммуникации). По отношению к философской концепции диалога остальные концепции оказываются в определенной степени вторичными – картина мира фундирует специфику и технику диалогичности на уровне поэтического письма.

В поэтике «диалогизм», прежде всего, проявляется на *жанровом уровне*. Фактически, основным содержательным признаком всякого жанра, взятого в аспекте коммуникации, является определенный набор конвенций, касающихся взаимоотношений между автором текста и его адресатом, то есть той аудиторией (реальной или мыслимой), к которой обращен текст, поэтому вопрос о природе адресованных жанров следует решать в связи с так или иначе преломившейся в

² Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресат// Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 26.

³ Там же. С. 36.

них функциональной традицией первичных речевых жанров и типологией адресатов положенных в их основу.

Из этого следует, что «основанием» для наиболее целесообразной классификаций адресованной лирики Цветаевой в жанровом аспекте должен быть *фактор адресата*. По нашей гипотезе именно в зависимости от статуса адресата структурируется и образ лирического субъекта, и конкретные коммуникативные тактики, реализуемые в стихотворении в теме, композиции и стилистике.

Мы выделили следующие типы адресованных стихотворений в зависимости от фактора адресата: 1) «родственные» адресации (сестре, мужу, дочери, сыну); 2) «любовные» адресации; 3) адресации братьям по перу.

В последующих главах рассматривается каждый из означенных типов «адресованной» лирики Цветаевой с целью выявления их коммуникативно-смыслового и жанрового своеобразия.

Во второй главе работы анализируются «родственные» послания. В эту группу мы включили стихотворения, обращенные к близким людям, с которыми Цветаеву связывали родственные отношения. Они адресованы сестре, мужу, дочери и сыну. Именно близкие, родные в диалоге лирической героини с Миром воспринимаются как безусловные союзники в тотальном противостоянии лирической героини миру. Специфика «субъектно-объектных» отношений в лирическом диалоге с «самыми близкими» определяется философской моделью мира, которая обуславливает сам процесс художественной коммуникации.

Так, одной из важнейших констант поэтической миромодели Цветаевой, согласно С.Ельницкой, является ее убеждение о том, что в основе человеческого бытия лежит нарушение Божественного Замысла. Изначально мир был «построен на созвучьях», задуман «как единство и цельность». Однако в процессе воплощения в земные формы гармония разрушается, и «обмельчавший» мир оказывается в оппозиции к живой душе.

В обращениях к родным лирическая ситуация развивается по романтической модели полного согласия, душевного слияния адресанта и адресата в противостоянии чужому и холодному миру. Мир не принимает их, они его. Именно это духовное родство и оппозиция к действительности делает корреспондентов одним целым. Отсюда «я» адресанта и «ты» адресата меняется на новую общность – «мы». Так, в посланиях сестре Асе Марина Цветаева всячески подчеркивает единение и родство их душ и обоюдную чуждость миру.

Романтическая картина мира Цветаевой приводит к смысловой «разорванности» человека и мира. В терминологии Бубера пропасть между «внешним» Ты и Я часто оказывается непреодолимой. Фактически в большинстве «родственных» посланий Цветаевой диалогичность парадоксально оборачивается монологичностью. Поэтому ее близкие, к которым она адресует ряд стихотворений, оказываются как бы проекциями ее собственного лирического Я. На лингвистическом уровне это выражается в инклюзивном «мы» («Марина плюс Аля», «Марина плюс Сережа»). Но такое преодоление пропасти между субъектом и объектом, возможно, является кажущимся, ибо зачастую процесс «коммуникации» оказывается процессом переноса собственных свойств на

адресата, в результате чего процесс коммуникации становится процессом автокоммуникации (особенно, в посланиях дочери).

Несовпадение мыслимого (идеального) адресата с реальным человеком или мыслимой и реальной ситуации приводит к тому, что в адресованных стихотворениях Цветаевой актуализируются жанровые признаки назидания и наставления, должныствующие задать для адресата определенную модель поведения (что особенно ярко проявляется в цикле «Стихи к сыну»). В итоге, адресованные стихотворения Цветаевой становятся, в терминологии Д.Серла, директивными речевыми актами (связанные с «волеизъявительным регистром»).

Во многих адресациях родственникам идеализация реального человека приводит к тому, что реальный адресат (прежде всего, в посланиях к мужу) заменяется «творимым мифом». С семиотической точки зрения это обозначает попытку преодоления разрыва в системе коммуникации между миром и человеком, Цветаева как бы пытается выстроить свою модель «общения», создавая идеальный мифологического адресата.

Характерно, что мифологические адресаты, как правило, коррелируют с мотивами борьбы и противостояния. «Рыцарский миф» связан, разумеется, с романтизацией белого движения, в рядах которого оказался С.Эфрон. Этот миф диктует свои законы сюжетного развертывания. Родословную свою герой-адресат ведет от «рыцарей», «декабристов и версальцев», «генералов двенадцатого года». Главное, что подчеркивает М.Цветаева в его образе и модели поведения, - это его «инаковость», необыкновенность во всем, безупречность поступков, готовность к жертве. Отсюда ассоциации с Св. Георгием, как неким архетипом его модели поведения, воплощающего жертвенный подвиг всего «белого движения», «лебединого стана». Таким образом, в посланиях к мужу нередко латентным (собирательным) адресатом становится белая армия.

Этот миф, связанный с противоборством, в свою очередь диктует свои законы композиционного построения для адресованных стихотворений. Фактически в адресатах такого рода реализуется «героический архетип», который проявляется в наборе определенных мотивов и имплицитных «сюжетных» схем (вызов, героизм, подвиг, жертва). С героическим архетипом связан также мотив «лица» адресата, которое оказывается «лицом», что опять же подчеркивает его идеализованную природу.

В связи с этим образ адресата все время двойится: он может представлять как условный «гипотетический» адресат или как реальный живой человек (так, цикл «Разлука» рассчитан на двух адресатов – реального – мужа и условного). Это «раздвоенность» образа адресата приводит к жанровой специфике некоторых стихотворений, которые могут быть прочитаны в нескольких жанровых регистрах. Так, например, цикл "Лебединый стан" (1917 - 1921), посвященный Сергею Эфрону, – воспринимается и как гимн белой армии и одновременно как плач обо всех ее войнах и о единственном из них.

Актуализация «метафизических» адресатов (Бог, судьба) и противостояние лирической героини этим силам приводит к тому, что в некоторых стихотворениях, посвященных Эфрону, возникают жанровые черты заговоров и оберегов.

Однако, несмотря «вторичные» жанровые черты, возникающие в стихотворных обращениях «самым близким», их можно отнести к жанру послания, поскольку структурной «осью» этих стихотворений становится лирическая концепция адресата. Таким образом, сам жанр послания у Цветаевой оказывается «открытым» и впитывающим черты иных жанров в зависимости от типа адресата, который явлен в этих текстах.

В третьей главе работы анализируются любовные адресации Цветаевой и связанные с ними интерсубъективные установки и интертекстуальные тактики. Любовные адресации Цветаевой вписываются в традицию русской любовной лирики, но в отличие от классических образцов жанра, где адресат зачастую служил всего лишь поводом к лирическому высказыванию, они обладают гораздо большим потенциалом диалогичности (что и дает основание отнести их к «адресованной» лирике).

Среди цветавских посланий других типов (обращенным к родственникам и собратям по перу) любовные послания стоят особняком, что связано с *потаянными стратегиями* лирической коммуникации. Для них прежде всего характерна скрытая адресация, что приводит к проблеме реконструкции адресата. Предполагаемые адресаты в подобных случаях с той или иной степенью вероятности могут выявляться из биографического, мемуарного, эпистолярного контекста. Однако любовные стихотворения, посвященные П. Эфрону, Ю. Завадскому, Э. Миндлину, Е. Ланну, А. Бахраху, А. Вишняку, Б. Пастернаку, К. Родзевичу, А. Штейгеру и др. имеют некую общую типологию и метасемантику, что позволяет рассмотреть их как некую жанрово-коммуникативную целостность.

При написании любовных посланий вдохновляющий импульс исходил от конкретного человека, но очевидно, что автор вкладывал в стихотворение архетипический смысл, воплощал некую типологию отношений, превосходящую по значимости персональные отношения с кем-то одним. Поэтому, с одной стороны, все мужские образы цветавской поэзии имеют реальные прототипы. Но с другой стороны, любовное увлечение для Цветаевой служило катализатором процесса «материализации» того или иного архетипа отношений, а духовно-телесная индивидуальность адресата – становилась конвенциональной ролью, которую в случае надобности мог сыграть и другой «актер». Свидетельство тому – частые случаи «перепосвящения» стихотворений. Вследствие этого в ее зрелой лирике (в ранней еще много конкретики) мы не найдем персонально-биографических особенностей бытия адресата, хронологических подробностей встреч корреспондентов и т.п., что было характерно для классической традиции романтического послания (включая его модернистскую трансформацию в творческой практике символистов и акмеистов).

Таким образом, феномен перепосвящения можно объяснить, исходя из общих мировоззренческих установок Цветаевой, одна из главных – ориентация на идеального адресата, который по сути дела выражает некий сконструированный мифологический образ, связанный с целым рядом повторяющихся (инвариантных) мотивов. Если этот идеальный образ не совпадает с реальным биографическим адресатом, то возникает «коммуникативный разлад», в результате которого происходит своеобразный «перенос» адресации. С коммуникативно-

семиотической точки зрения текст оказывается своеобразной семантической матрицей, предполагающей несколько адресаций.

Такое построение адресованного текста связано с тем, что адресант стихотворения мыслится как некий «рамочный» образ (архетип), который по принципу лингвистического инварианта может реализоваться в ряде вариантов (то есть в ряде реальных адресатов). Фактически адресация в любовных стихотворениях становится функцией со множеством переменных. Отсюда разыгрывание любовных переживаний в разных и регистрах: театрально-игровом, романтически-возвышенном, мелодраматическом, трагическом, ироническом. Поэтому диалогические отношения, связывающие Цветаеву с адресатами-возлюбленными, отнюдь не сводимы к стереотипам счастливой / несчастливой любви, чаще это установление (сотворение) новых – жизнетворческих или мифотворческих коммуникативных связей.

Поэтому между реальным адресатом и его культурной ролью в посвящении всегда есть некая дистанция, которая позволяет лирическому субъекту говорить с достаточной долей отстраненности и обобщенности. Цветаевой важно воспроизвести типологию различных состояний души, точнее, двух душ: их борьбы, соперничества, разлуки и т.п. При этом героя, образа адресата с его индивидуальными, характерологическими признаками фактически нет, он растворяется в чувствах лирической героини.

Несовпадение реального адресата с идеальным приводит к постоянному мотиву, который сопровождает многие любовные послания Цветаевой: мотиву противостояния и разъединенности, связанным с адресатом и миром. Архетипическая ситуация *разъединенности* в разных посланиях может воплощаться в разных мотивных рядах и образах, связанных с роковыми обстоятельствами – смертью, несовместимостью времени и места, моральными обязательствами.

Отсюда авторская диалогическая интенция обретает разные способы текстовые способы воплощения. С одной стороны, она может выражаться в мотиве стремления героини завоевать чужую душу, с другой стороны, подобная тактика может воплощаться в борьбе с миром, Богом и смертью.

Другая коммуникативная тактика, диктуемая мировоззренческими противоречиями, связана с воспеванием адресата. Она также держится на экзистенциальной отстраненности и стремлении лирической героини «создать» адресата по законам идеализированного мифологического образа. Поэтому основная функция такого «воспевания» не коммуникативная, а номинативная. Новые определения, которые она дает адресату, напоминают акт творения. Автору важно через словесный образ явить не индивидуальность адресата, а его «прельстительную» суть, то, что в адресате ее поразило, очаровало – таким образом, портретная пластика являет не столько бытие другого, сколько становится «пейзажем души» лирической героини, а точнее, - «портретом» ее любви.

Причем Цветаева воссоздает образ адресатов отнюдь не по образу и подобию своему или своего идеала – как в посланиях к родным. Адресаты-возлюбленные для нее – изначально «не свои», «чужие». Но именно их *чужеродность*

(ускользаемость, таинственность, «разнополярность») героини становится главным «магнитом» для нее, именно в их внеположенности душе героини заключается их главная притягательность, обуславливающая завязку отношений.

Таким образом, коммуникативные стратегии ранних любовных адресаций (1910-х – рубежа 20-х гг.) вскрывают амбивалентные психологические интенции диалогических установок героини. С одной стороны, это *пристрастность, зачарованность*, а с другой стороны, – *волевой импульс, отторжения* от возлюбленного.

Лирической же героине этих адресаций также присуще двуединство переживаний. Совмещение *разновекторных эмоций*, как правило, в конфликтной форме оборачивается ее разладом не только с миром, но и с самой собой, проявляясь как напряженная междоусобная внутренняя борьба, конфликтный диалог двух «я», двух душевных ипостасей. «Низшая» ипостась лирической героини погружена в брнную жизнь, чувственную любовь. Ее высшая ипостась отрывается от земли, рвется в небо.

Если в ранней лирике диалогические интенции выражались в мотивах борьбы и противостояния, то в поздней лирике адресованные любовные стихотворения связаны с желанием «раствориться» в адресате, который для Цветаевой был, если использовать семиотическую терминологию, своеобразным «каналом связи» с миром. Этот мучительный поиск самой себя сквозь призму Другого находит свое дискурсивное выражение прежде всего в письмах, складывающихся в эпистолярные романы, и в их лирических аналогах – стихотворных обращениях. Лишь коммуникативный контакт с повернутой к ней (обращенной к ней) чужой душой дают ей уверенность в бытии собственного «Я». Для Цветаевой путь к другому человеку — это путь к *себе*. Поэтому бытие героини в конечном счете оказывается инобытием мира. Отсюда постоянно повторяющаяся сюжетная ситуация цветавской лирики – поглощение Другого своим внутренним «Я», при отождествлении этого внутреннего «Я» со стихией жизни.

В целом же коммуникация в любовных адресациях, если использовать семиотическую терминологию, оказывается типичной бинарной моделью, в которой нет среднего звена. В статусе такого звена мог бы оказаться реальный, а не идеализированный адресат. Отсутствие же реального Другого приводит к резким разнополярным колебаниям ее лирической героини: от желания завоевать возлюбленного до попытки полного растворения в нем.

Установка на мифологизацию адресата закономерно приводит Цветаеву к использованию в своих посланиях «вечных культурных образов», архетипов западно-европейской культуры. Для того, чтобы удостовериться в этом достаточно обратиться к названиям произведений: «Федра» (1923), «Сивилла» (1923), «Эвридика – Орфею» (1923), «Магдалина» (1923), «Дон Жуан» (1917), «Офелия – Гамлету» (1923), «Диалог Гамлета с совестью» (1923), «Кармен» (1917) и др.

Главная особенность таких архетипов заключается в том, что они представляют собой своеобразный семантический сценарий с определенным набором ролевых конвенций. Поэтому в жанровом отношении любовно-романтические адресации с использованием вечных образов можно определить

как «ролевые» послания, в силу того, что лирический субъект, разрабатывая коммуникативную стратегию, берет на себя – в зависимости от конвенционального статуса адресата – ту или иную роль, отражающую не индивидуальную, а архетипическую гамму любовных переживаний. Причем диапазон ролей достаточно широк и разноаспектен.

Все эти образы, возникшие на пересечении мифологического (или литературного) контекста и собственно цветаевских концепций, обретают в творчестве поэта статус авторского мифа, литературных архетипов (или «апокрифов» – цикл «Магдалина»). Феномен архетипичности возникает благодаря интеграции сюжетных и образных схем с собственно авторскими жизненными ситуациями и эмоциональными впечатлениями. Причем источники, из которых Цветаева заимствует образы для своих произведений, приобретают у нее статус мифологем.

На текстовом уровне обращение к вечным образам приводит Цветаеву к приему интертекстуальности, который в этом аспекте неожиданным образом оказывается связан с коммуникативной ситуацией, выстраиваемой в том или ином стихотворении. Взятая в подобном коммуникативном аспекте, интертекстуальность у Цветаевой обнаруживает свою специфику, заключающуюся, прежде всего, в том, что поэтесса, используя вечные образы культуры, избирательно подходит к смыслам, зашифрованным в такого рода образах. Фактически для каждого образа она подбирает свои семантические валентности, актуализируя каждый раз ту или иную черту, требующуюся в данном коммуникативном контексте.

Таким образом, изначально Цветаева включает читателя в своего рода игру, построенную на «обмане» читательских ожиданий. Дело в том, что Цветаева использует драматически-игровой принцип построения произведения: адресанта (т.е. себя) и адресата автор наделяет чертами героев, сюжетно связанных между собой. Благодаря этому ситуация конструируется в диалогическом ключе, так как Цветаева строит сюжет по собственному сценарию, который проецируется на избирательную грань литературной традиции. Примером реализации собственной композиционной структуры служит цикл «Дон Жуан», где лирический герой проявляет себя прежде всего как «соблазнитель» – то есть Цветаева выводит на первый план только одну грань героя. Причем Цветаева игнорирует все предшествующие смыслы содержательного наполнения образа Дон Жуана как святотатца и безбожника. Поэтому Дон Жуан – это одновременно Казанова, так как в этих образах прослеживается сходная, характерная для обоих черта – оба представляют сходный тип покорителя женских сердец. Подобный принцип выявления доминирующей грани героев прослеживается во всех употребляемых Цветаевой «культурных» образах.

В четвертой главе проанализированы лирические обращения к «собратьям по перу». Последняя разновидность посланий обладает рядом сходных структурно-содержательных черт с посланиями предыдущих типов. Эти жанровые черты послания в творчестве Цветаевой являются повторяющимися, или – в лингвистической терминологии – инвариантными. Отличия же поэтических обращений от адресаций «самым близким» диктуются сменой коммуникативных

стратегий, которые, в свою очередь, зависят от смены адресата стихотворений.

Важнейшая жанровая особенность поэтических адресаций в лирике Цветаевой заключается в том, что прагматический фактор, столь важный для посланий близким, как бы «отодвигался» на второй план. В результате чего из стихотворений, адресованных другим поэтам, полностью экстраполировался быт. Это приводит к идеализации образа поэта, когда Цветаева обращается не к реальным «биографическим» личностям, но к некоему поэтическому архетипу, иначе говоря – в этих посланиях она создает миф о Поэте.

Если интерпретировать мифо-психологический термин «архетип» как лингвистический «инвариант», то получится, что смысловой и жанрообразующей основой для поэтических адресаций Цветаевой окажется именно инвариант образа поэта, который в свою очередь воплощается в целой парадигме реальных адресатов (Б.Пастернак, Р.М.Рильке, М.Волошин, К.Бальмонт, В.Брюсов, В.Маяковский, А.Ахматова, О.Мандельштам, М.Кузмин, Вяч.Иванов).

Типология адресатов в поэтических посланиях основана на ином философском понимании взаимоотношений субъекта и мира, нежели в ранее рассмотренных нами посланиях. Во-первых, здесь адресат изначально мыслится как такое же равноправное «ты», другое «я», которое, как зеркало, отражает все духовные интенции автора, а при этом еще и обладает собственной чудесностью – глубиной, тайной, потенциальной возможностью бесконечного творческого развития. Таков адресат в стихотворениях, обращенных к Пастернаку, Мандельштаму, Маяковскому.

Во-вторых, адресату придается статус кумира, учителя, равноправный диалог с которым невозможен, ему можно только «издали поклониться» (таков адресат циклов «Стихи к Блоку», «Ахматовой», отчасти, «Вячеславу Иванову»). Мотив поклонения поэту-адресату инспирирует появление в посланиях Цветаевой черт религиозных жанров. Так в цикле «Стихи к Блоку» появляется отзвуки литургической поэзии. Высокий трагический пафос, в свою очередь, влечет за собой одический жанровый канон, и далее – элементы жанров эпитафии и плача. Однако на глубинном мировоззренческом уровне эта почтительная отстраненность от адресата воплощается в древнейшем жанре пеанов – гимнов Аполлону, что связано с пониманием Цветаевой Блока как «бога Поэзии».

С феноменом «размытости» жанра поэтического послания встречаемся в цикле «Ахматовой». Здесь актуализируется парадигма иных жанровых элементов, связанная с пониманием Цветаевой адресата цикла: греческая мелика, хоровая лирика, песня, причитание, плач. При этом в единую жанровую структуру все эти элементы связывает «сверхжанр», инспирированный авторской интерпретацией адресата, как «чернокнижницы», колдуньи и пророчицы. Этим сверхжанром, на наш взгляд, является – дифирамб, гимн Дионису. Поэтому цикл стихотворений «К Ахматовой» не поддается однозначному жанровому прочтению. Прежде всего, стихотворения можно рассматривать в жанровом ключе послания: на это указывает формальное и содержательное строение цикла (вынесение имени адресата в заглавие, обращения, установка на собеседование и так далее). С другой стороны, стихотворения содержат жанровые признаки оды – данный вывод основывается на определении жанровой установки автора (воспевание

адресата: «Я тебя пою!»). Кроме того, в главе прослежено столкновение цветаевских представлений об Ахматовой как о «чернокнижнице» и «Анне всея Руси». Образ адресата непосредственно связан с творчеством Ахматовой, в котором происходит слияние двух культурных традиций – церковной и фольклорной, причем доминирование одной из них обуславливается типом самой лирической героини.

В пользу предположения о разграничении Цветаевой двух архаических стихий – аполлонической и дионисийской – говорят и образы, выбранные поэтессой для отражения сущностей Блока и Ахматовой. Блок представлен как «солнце светоносное» (в библейском контексте солнце – метафора Бога, в мифологическом же Аполлон является богом солнца), в то время как Ахматова – это «луна на небе» (луна – символ ночи, наполненный семантикой стихийного буйства, разгула).

В адресациях к Пастернаку на первый план выдвигается биографический фактор, связанный с «эпистолярным романом» двух поэтов. При этом адресат снова предстает в идеализированном мифологизированном виде. Фактически по форме адресации Пастернаку представляют собой лирический монолог, где адресат оказывается всего лишь «онтологическим поводом» к высказыванию (поэтому в жанровом отношении они тяготеют к посвящению). Это приводит к отождествлению адресата и адресанта, в результате чего процесс коммуникации оказывается как бы замкнутым на самом себе и превращается в процесс автокоммуникации.

Архетипический мотив поэта наиболее яркое воплощение находит в стихотворениях, посвященных Пушкину, который для Цветаевой был провиденциальным собеседником, «поэтом вообще». Цветаева здесь избирает несколько иную коммуникативную стратегию, по сравнению с предыдущими посланиями. Так, она развенчивает идеологический миф о Пушкине, который в то время активно начинает создаваться. Взамен этого мифа она предлагает свой мифологизированный образ поэта, главными признаками которого становятся, свобода и «жизненность». При этом, как и полагается в поэтических адресациях, весь цикл пронизан пушкинскими цитатами и реминисценциями. И в своей трактовке гения Цветаева точно следует пушкинскому представлению о поэте, то есть, создавая свой миф о Пушкине, Цветаева опиралась на миф о поэте, созданный Пушкиным, который включал в себя «стихийную жизненность».

Такая коммуникативная стратегия, избранная Цветаевой, приводит к двойной адресации «Стихов к Пушкину» (эксплицитно-полемиическая адресация – к «пушкиньянцам», имплицитная – к самому Пушкину). Отметим, что Цветаева переименовала название цикла: это не «Памятник Пушкину», а живой разговор (посредством открытых и скрытых апелляций к его произведениям) с Пушкиным как с собратом по цеху.

В заключении подведены итоги исследования. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что главная особенность цветаевского диалогизма – его парадоксальная монологичность. Многие послания Цветаевой по своей структуре представляют собой эмфатический монолог (в данном случае не важно – устная это речь или письменная), обращенный к адресату, с которым установлены некие

неформальные отношения.

Фактически диалог и монолог присутствуют в лирическом сознании Цветаевой как два полюса, между которыми постоянно колеблется сам акт художественной коммуникации. Мы полагаем, что именно напряжение между этими двумя крайними точками и определяет специфику коммуникативных установок Цветаевой.

Такая коммуникативная амбивалентность, свойственная практически всем поэтическим адресациям Цветаевой, может быть объяснена через общие мировоззренческие установки Цветаевой. Стремление найти (а часто сотворить!) адресата стихотворения приводят ее к обращению к мифолого-архетипическим образам, которые оказываются своеобразными «сценариями поведения» для того или иного адресата. Если же адресат не совпадает с навязанной ему «мифологической» ролью возникает коммуникативный «провал». Этот метамотив является инвариантным для всех лирических адресаций Цветаевой. Именно он на текстовом уровне обуславливает парадигмы образов и частных мотивов, появляющихся в адресованных стихотворениях.

Так, разрыв между мыслимым и реальным адресатом приводит к появлению магических мотивов (если есть потребность «заклясть» адресата для преодоления коммуникативной пропасти), противостояния (если эта попытка не удалась), воспевания (конституирования образа адресата в соответствии со своими идеальными представлениями о нем), автокоммуникации (когда адресат становится всего лишь «поводом» для высказывания), отсутствия бытового прагматического фактора (ибо миф должен быть лишен всех бытовых наслоений), мотивов судьбы, рока (в случае, если соединение с идеальным адресатом оказывается невозможным).

Для реализации всех этих коммуникативных тактик Цветаева избирает жанровые формы послания и посвящения, которые соответствуют ее представлениям о взаимоотношении лирической героини адресованных стихотворений с адресатом.

Но эти адресованные жанры в лирике Цветаевой оказываются открытыми — они могут имитировать различные жанровые каноны (в том числе и архаические), при этом выбор этих канонов диктуется избранной коммуникативной тактикой и концепцией адресата, благодаря чему многократно расширяются семантические связи текста.

При этом философская картина мира оказывается неким глубинным фактором, обеспечивающим построение адресованных стихотворений. На семиотическом уровне, философская модель мира, взятая в аспекте коммуникации, может быть интерпретирована как «поле диалога», в котором могут возникать разные типы отношений между адресатом и адресантом. Возникающие в ходе такого экзистенциально-онтологического диалога отношения фундируют жанровые схемы, к которым прибегает Цветаева. А эти жанровые каноны, в свою очередь, оказываются своего рода порождающими моделями для адресованных стихотворений, ибо в соответствии с особенностями тех или иных жанров, которые привлекает Цветаева, в них выстраиваются определенные

структурно-семантические связи, что проявляется на стилевом, смысловом и даже фонетическом уровнях.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в перечень периодических изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации работ, отражающих содержание кандидатских диссертаций

1. *Круглова Т.С.* Мифопоэтика личного имени в лирических обращениях М.Цветаевой и в поэтической онтологии акмеистов [Текст] / Т.С.Круглова, Л.Г.Кихней // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2007. – № 4 (19). – С.90-93.

2. *Круглова Т.С.* Жанровая интерпретация «Стихов к Блоку» М.Цветаевой в свете коммуникативных установок автора [Текст] / Т.С.Круглова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2008. – № 1. – С.118-120.

Научные статьи, учебные пособия

3. *Круглова Т.С.* Коммуникация и стилистическая интерпретация эквивалентности в художественном переводе [Текст] / Т.А.Гордеева, Т.С.Круглова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Сборник научных трудов российских и зарубежных ученых. – Москва; Пятигорск: ПГЛУ, – 2006. Вып.3. – С. 194–196.

4. *Круглова Т.С.* Специфика поэтической коммуникации в свете бахтинской теории диалога [Текст] / Т.С.Круглова // Проблемы поэтики русской литературы – II. Материалы второй международной научной конференции. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С.127-133.

5. *Круглова Т.С.* Античный «слой» в лирических обращениях Марины Цветаевой [Текст] / Т.С.Круглова // Античность и христианство в литературах России и Запада / Материалы VII международной научной конференции «Художественный текст и культура» (4-6 октября 2007). – Владимир: ВГГУ, 2008. – С.183-187.

6. *Круглова Т.С.* «Поэт есть ответ...»: фактор адресации в лирике Марины Цветаевой [Текст]: Учебное пособие по спецкурсу / Л.Г.Кихней, Т.С.Круглова. – М.: МНЭПУ, 2008. – 144 с.

Круглова Татьяна Сергеевна (Россия)
«Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект

В диссертации исследуются жанрово-коммуникативные аспекты лирики Марины Цветаевой. Впервые выявляется типология адресованных стихотворений поэта в зависимости от адресатов (близких родственников, возлюбленных, собратьев по перу), при этом показывается, что выбор коммуникативной стратегии для автора одновременно оказывается выбором жанровой формы.

В работе прослеживается логика жанрообразования и жанровой трансформации цветаевских посланий и посвящений, доказывается, что диалогические и эпистолярные установки, присущие им, трансформируют поток лирического сознания, придавая последнему коммуникативную оформленность и суггестивность.

Kruglova Tatyana Sergeevna (Russia)
«Addressing» lyric poetry of Marina Tsvetayeva: genre-communicative aspect

The thesis considers genre-communicative aspects of Marina Tsvetayeva lyric poetry. It is the first time the types the poems are classified depending on the addressees (they are her close relatives, beloved men, fellow poets).

The choice of communicative strategy appears to determine the genre of a poem.

The principle of genre – formation & -transformation of Tsvetayeva's messages & dedications is traced back.

Their dialogic & epistolary style implications are proved to change the way of expressing ideas, affecting its communicative form.

10 =

Подписано в печать 28.04.2008

Печать трафаретная

Заказ № 247

Тираж: 100 экз.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(495) 975-78-56, (499) 788-78-56

www.autoreferat.ru